Альфия Камалова

А у нас во дворе...

Альфия Батталовна Камалова

А у нас во дворе… Повести и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22616202
ISBN 9785448365720

Аннотация

Кто из девчонок в четырнадцать лет не мечтает подружиться с мальчиком? А во дворе солнце, лето, каникулы! Да и мальчишки с некоторых пор стали по-особенному заглядываться на них… И теперь было о чем шушукаться трем подружкам: Алинке, Таньке да Лерке… Одна влюбилась… Другой интересны взрослые парни. А третья еще в себе не разобралась: то один из ребят ей кажется крутым и гордым, то другой…

Содержание

Повести 5
А у нас во дворе… 5
Конец ознакомительного фрагмента. 50

А у нас во дворе… Повести и рассказы Альфия Камалова

© Альфия Камалова, 2017

ISBN 978-5-4483-6572-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повести

А у нас во дворе…

Выходя из подъезда, Алина толкнула тяжелую металлическую дверь и поняла, что ударила ею кого-то снаружи.

– Ой, извините! – с сожалением пробормотала она, увидев, как парень с большой корзиной яблок дернулся назад, а яблоки его посыпались и раскатились по асфальту.

Алина бросилась их подбирать и складывать обратно в корзину.

– Да, оставь! Они же битые и уже не годятся для продажи! – остановил ее как будто знакомый голос. Рыжеволосая девушка стояла около старенькой легковушки советских времен с открытым багажником, из которого выглядывали желтые тыквы и зеленые кабачки-цукини.

– Танька! – расцвела изумленной улыбкой Алина и кинулась обнимать подругу детских лет. – Лет шесть тебя не видела. – Твой? – кивнула она в сторону входных дверей, имея ввиду парня с яблоками.

Таня утвердительно качнула головой:

– Приехали вот из Челябинска! Мы там живем! Бабуле помогаем с уборкой урожая на даче, – сказала она, закрывая крышку багажника. – Я слышала, ты в Питере сейчас?

– Да, в журнале работаю корреспондентом. А ты?

Таня засмеялась:

– Домохозяйка я, обеды готовлю, ползунки стираю. Младшему скоро годик, ходить уже пытается. С ним счас бабуля нянчится. А старший… – подруга детства завертела головой, оглядывая двор. – Егорка! Брось сейчас же! Кому говорят: брось! Это бродячая кошка!

Возле мусорных баков стоял чумазый рыжий мальчуган лет пяти и жимкал серую кошку, которая, издав пронзительный взвизг, вырвалась из его рук и шмыгнула под легковушку. Мальчишка сначала присел возле машины, а затем и вовсе лег на асфальт, чтоб под тенью грязного брюха советской «копейки» разглядеть затаившуюся там кошку. Татьяна, подскочила, ухватила сына за подмышки, поставила его на ноги, отряхнула от пыли одежду и в сердцах шлепнула его по мягкому месту.

– Глаз да глаз за ним! Не углядишь, куда-нибудь да вляпается! Вот смотри, – она показала тыльную сторону Егоркиной ладошки, – видишь след от лишая, недавно вывела… От такой же бродяжки подцепил.

– Да, погоди ты, не кипешуй! Кошечка вполне ничего, чистенькая! Может, она домашняя? – попыталась успокоить Алина Таню.

– Как же! Будет тебе домашняя по помойке шастать в поиске пищи?

– А здесь ничего не изменилось со времен нашего дет-

ства, да? – сказала Алина, оглядывая двор. – Все та же березка на углу дома, все та же сцена и лавочки, лужайка с раскрашенными гномиками… Вот только теннисный стол почему-то убрали. А вон площадка, на которой мы в футбол с дворовыми пацанами гоняли, помнишь?

– Да… Отчаянная я тогда была! А вот на этом самом месте, прямо под твоими окнами, мы с Леркой стояли и кричали тебе: «Али-на-а!» Кажется, что только вчера это было! А уже десять лет пролетело!

– Алина-а-а! – зов с улицы врывается в открытую форточку. Алинка, торопливо прикрыв бегущую из крана воду и на бегу хлопая себя по бокам мокрыми руками, выскакивает на балкон.

– Выйдешь? – румяная щекастая Лера, щурясь от солнца, задирает к ней белокожее лицо, которое даже летом загар не берет.

Девчонки со двора мало-помалу собираются. Вот одна, торопливо одергивая платье, выскакивает из подъезда и крутит головой, кого-то выискивая глазами. Легонько подбрасывая мяч, не спеша, приближается другая.

Улицу Алинка обожает, и жизнь двора переживает пылко, со страстью, а как же иначе, ведь все, что нынче происходит, все внове, все впервые… Вот и сегодня, с утра переделала дела, которые мама с нее требует – час за книжкой, час за пианино – затем согрела себе обед, помыла посуду и –

тут же выпорхнула во двор.

Подружки уже заждались возле подъезда. Сидят себе стайкой на низкой металлической оградке в тени тополя – и шушукаются, и хохочут. Громче всех заливается Танька: «Да он же все глаза обмозолил об тебя!» – театрально, как артистка на сцене, выкрикивает она. Слова ее долетают до третьего этажа, где на балконе развешивает белье соседка тетя Шура.

– Де-е-вочки! Весь дом уже знает ваши секреты! – с осуждением качает она головой. – Валерия! Нельзя об этом так громко кричать, – проникновенно обращается она не к той, которая, трещит, как сорока, а к той, которая, по ее мнению, самая авторитетная и может других образумить.

– Тетя Шур! Вы меня с кем-то спутали. Вот я как раз сижу и молчу! – сердито отзывается Лерка. – Если не видите, очки надевайте!

– Вот уж кому не позавидуешь, кто внизу живет, – вполголоса ворчит уже про себя тетя Шура. – До полночи у их под окнами хиханьки да хаханьки… Мало им шума да визга, еще и парней со двора приваживают. Повадились тут сходняки устраивать! Что ни вечер – опять капелла у подъезда гогочет…

«Что касается нижних этажей, вот они-то как раз не возникают! Из недовольных – тетя Шура одна и «крысится» на нас. Однажды в сердцах (наверно, сын у ней опять

до чертиков надрался) она нам такое выдала! – ну мрак какой-то: «Шлюхины, – говорит – вы дети…». Все наши девчонки покоробились тогда: во-первых, кроме нас, тут есть кое-кто похлеще; во-вторых, самое страшное преступление, которое мы совершили – это спички жгли в подъезде, чтобы все подумали, что мы курим. Это Лерке в башку втемяшилась такая дурь, временами ее так и подмывает похулиганить… А еще – надпись появилась новая на белой стене красным фломиком – «Антон + Лера», кстати, она единственная среди многочисленных вариаций на тему «Лось + Неля». И эта новая – разумеется – Леркиных рук дело.

А то, что соседка тогда брякнула – поклеп полнейший – причем невтемачный по всем параметрам! Все в доме знали, что мы не шалавы какие-нибудь. И родители у нас – приличные и уважаемые люди. Дело даже не в том, что тетя Шура вдруг засомневалась в порядочности наших мам, просто она горячку спорола тогда; так бывает, когда человек сильно не в духе: может, у нее сын последние деньги пропил или давление подскочило… А в хорошем настроении, можно сказать, она даже любит нас. В детстве, помню, все конфетками подкармливала да по головкам гладила. Да и сейчас, пройдешь мимо нее, а она умиляется.

– Как время-то летит! – говорит она. – Давно ли в пеленках лежали?… В суете и не углядишь, как жизнь промелькнет… Одна пора прошла, другая пришла… Глядишь, а девчушки-то уже и не соплюшки, заневестились – на загляде-

нье всем!»

Да уж, «пришла пора»… Еще недавно Алинка терпеть не могла, когда ее одноклассницы только о пацанах и базарили, как будто других интересов нет… Но потом как-то так получилось, что она и сама стала такой… То ли оттого, что мальчишки стали на нее внимание обращать… Или нет…

Это случилось в тот день, когда они с Леркой стояли на лестничной площадке, и Алина зачитывала ей с листка арию из модной рок-оперы «Нотр-Дам де Пари». А потом она как-то резко обернулась и… – глаза в глаза – встретилась взглядом с парнем из соседнего дома – Юркой Селезневым. С тех пор это стало, как необходимость, как праздник, хоть один раз в день увидеться, заглянуть в глаза и… ошалеть от счастья! (Непонятно, что с ней происходило, точно радость в крови закипала). Юрка этот еще раньше ей нравился, но одновременно с ним… и его друг Антон тоже производил впечатление. Но после того случая в подъезде к Антону она почему-то утратила интерес…

«Между прочим, эта бацилла заразила всех. Девчонки совсем запутались, не знают, кого и выбрать в объект своей любви. Лерка, например, никак не могла в себе самой разобраться, понять не могла, в кого из троих знакомых пацанов она влюблена. Так и любила того, кто ей чаще на глаза попадался. А чаще других попадался почему-то Антон Гонча-

ров… А после того, как я на Селезнева, переключилась, Лерка так вовсе на Тохе зациклилась. Для этого, кстати, есть ряд причин: во- первых, Антон – самый взрослый из дворовых ребят, ему семнадцать лет, он закончил ПТУ, и осенью его в армию заберут; во-вторых, он – самый вежливый из всех мальчишек во дворе: не дразнит, не гоняет девчонок и не дерется.

Раньше в подвижные игры было весело играть. А нынешним летом все переменилось – ну мрак какой-то: на уме одни мальчишки, и все шушуканья на одну и ту же тему: кто на кого сколько раз поглядел.

– Девчонки, если Антон на меня посмотрит, вы мне об этом говорите, ладно, а то я сама могу и не заметить, – так Лерка нас обычно просит, и вид у нее при этом очень даже деловитый.

А когда появляется Антон, она пялится на него изо всех сил, лупится во все свои шары. Она думает, что этот прием так вот сразу безотказно и подействует на избранника. Нелька ее этому научила… Нелька говорит, что смотреть надо сильно, не отрываясь, и тогда он точно влюбится. Это она знает из собственного опыта: «Я на Лося так смотрела, и он в меня втюрился». А Нельке надо верить, потому что все мальчишки двора только за ней и бегают и, вообще, любой из них теряет голову, если Нелька обратит на него свой лучезарный взгляд. Это точно.

Так вот, когда большие пацаны подсаживаются к нам

на скамейку, и Антошка Гончаров сидит на противоположной скамейке, то глаза всех девчонок из нашей компашки устремляются прямо на него: надо же «усечь», на кого он «зырит». Его друзья, пэтэушники допризывного возраста начинают сразу переглядываться с нескрываемой насмешкой, шуточки отпускают нехорошие; их прикалывает, что пацанки-салапедки пытаются закадрить кого-то из них. Я уж говорила, что Антон в общем-то вежливый и обходительный парень, а тут становится таким… ну невыносимо противным, высокомерным и в то же время снисходительным, как будто бы… сделал одолжение, что снизошел до нас. Лично мне такой Антон совсем не в прикол! Я сразу начинаю психовать. И что она в нем нашла? Но дружба есть дружба – и все наши девчонки – не для себя же стараются: приходится иногда и собственными интересами жертвовать для друзей.

Но Лерка непрошибаема! Она самая деятельная, самая нетерпеливая из всей нашей девчачьей компашки, она не любит выжидать и по возможности бьет напропалую в цель: она звонит ему домой (инкогнито, разумеется). Сообщив, что его любит одна девчонка, она прямо в лоб ему упирает вопрос. Несмотря на то, что она до сих пор еще не решила, кому из дворовых пацанов отдать свое сердце, в первую очередь, она интересуется:

– Как ты относишься к девчонке по имени Лера?

– Никак, – говорит Антон. – Пустое место.

– А как ты относишься к девчонке по имени Неля?

– Да пошла она к черту!

Но Лерке обязательно надо во всем дойти до конца. Как-то, проводив взглядом стройного широкоплечего Антона, прошагавшего мимо девчоночьей стайки, она стремглав влетела в свой подъезд. Ей позарез нужно было узнать, кого же любит Гончаров. Звонок по-прежнему был анонимный.

– А как ты относишься к девчонке по имени Алина?

– Ну задолбала! – вырвалось у него. – А ты не знаешь, как поступают с некоторыми… доставучими до невозможности… шмакодявками?! – на взводе прошипел Антон, и по тому, как он швырнул трубку, Лера догадалась, что он сейчас, перепрыгивая через три ступеньки, несется вниз по лестнице. Но второй этаж – не пятый! И когда он с видом разъяренного льва выпрыгнул из своего подъезда, она уже сидела у другого подъезда на скамеечке и преспокойненько семечки лупцевала.

Но не на ту напали! Валерия Ермакова не из пугливых! И дело, не доведенное до конца, – это совсем не по ней! Ведь осталась еще Фара, про которую она ничего не выяснила. Ведь надо же узнать, как он относится к тем девушкам, которые никогда никому не отказывают. Как-то Фара сказала девочкам во дворе, что если она захочет, то ни один парень перед ней не устоит, потому что у нее есть свой секрет. Вот поэтому Лерке просто необходимо знать, нравится ли ему Фара.

Когда эта неугомонная звякнула Антону в следующий раз, трубку взяла его мама и обругала Лерку в пух и прах. И нагорело ей за всех девчат разом – за то, что они такие наглые: ни мозгов в голове, ни совести; что за парнями бегают, стыда не знают, что нет от них покоя ни днем, ни ночью; мало того, что на улице прохода не дают, так ведь и дома умудряются донимать; что на шею вешаются кому ни попадя, что хорошего парня замучили своими глупостями».

Алинка и удивлялась, и завидовала подруге: вот, если б ее так загрузили, как Лерку: целый вагон и маленькую тележку – она бы точно со стыда сгорела, и боялась бы Антону на глаза попасть. А Лерке все ни по чем, все по барабану. И с гонору ее не сбить. Она хохочет и передразнивает Антошкину маму. Главное, что она сама про себя знает, какая она, и пацаны знают, что она гордая и независимая, а что другие о ней думают – это ее не колышет.

Одно время девчонки приохотились гонять с пацанами футбол во дворе. Но вскоре дворовых мальчишек вытеснила группа ребят постарше из соседнего двора. К новым своим знакомым девочки отнеслись с интересом: «Не то, что наши, – отметили они. – Эти не матерятся, и нас не мацают». «Мацают» – это была проблема номер один. Не трогали пока только Алинку. Стыдливая сверх меры Алина из-за этих

выпирающих и торчащих в разные стороны бугорков даже в жару надевала поверх футболки просторную джинсовую куртку, которая скрадывала то, что так беспокоит пацанов. Кроме того, за всякую попытку ее замацать, она пинала ребят без всякого намека на заигрыванье, пинала со злостью. Сильную рослую Лерку тоже побаивались трогать, она умела махом бросать на землю (брат обучил приемчику). Больше всех доставалось Таньке. Та в свои четырнадцать лет оформилась очень быстро, имея высокую грудь и тонкую талию, она уже была, как девушка: не убавить, не прибавить, фигурка – загляденье, на зависть многим, а лицом, густо усеянном рыжими конопушками, она была обычная, как и все девочки в ее возрасте.

Мелкие пацаны дразнили ее, показывали на нее пальцем, кричали: «Эй ты, «Большие Бамперы» и обзывали «сиськастой». По примеру Алины, Таня надевала свободную верхнюю одежду, но вела себя несколько иначе: не дралась с озлобленным и замкнутым лицом, а кокетливо пищала, хихикала и с хохотом гонялась за шалунами.

Новые знакомые непонятно как оценили «достоинства» Тани. Главное, не дразнят и ладно. В своем новом красно-черном спортивном костюме она сразу оказалась в центре внимания и отлично сыгралась в матче с русоволосым парнем в желтой футболке с оскаленной тигровой мордой на груди. Эти двое как будто всю жизнь играли вместе. Он – нападающий – ловко обходил своих соперников и передавал

послушный ему мяч Таньке, она возвращала ему, и он бил пенальти в ворота визжащей от страха Алинке.

– Красная спортивка, сюда!

– Эй, в желтом, пасуй!

– Выбрасывай, Красная!

– Гаси в ворота! Yes!!! Го-о-л! Молодец, Тигра!

– Та-ня! Та-ня! – кричали болельщики.

И вот уже нападающий окликает ее по имени:

– Тань, бери!

– Тигра, давай!

– Я здесь, Таня! Сюда!

– Бей! Давай, их всухую! Ура! Счет: 3—0 – в нашу пользу!

Днем теперь новые друзья с азартом лупили мяч ногами, а по вечерам сидели у подъезда на лавочке и допоздна трепались о пустяках и обсуждали матч.

– Алинка, ты знаешь, почему все мячи в ворота пропускаешь? – говорил красивый черноглазый мальчик, которого Танька прозвала Хотельник.

«Вы можете спросить: „За что такое прозвище?“ Да в сущности, ни за что! Еще в то время, когда мы играли в футбол с мелкими пацанами, эти проходили мимо толпой. Остановились – и давай глазеть. А Вовчик шустрый у них, контактный очень. Слово за слово, и вот они уже разделились на две команды. Я с этим Красивым на одной сторо-

не поля оказалась. Он тогда наклоняется к Вовану – тот метр с кепкой в прыжке – и шепотом спрашивает: „Как зовут вон ту девчонку в синей джинсовке?“ Вовчик – придурок – сразу заржал и крикнул: „Алинка! Тебя Руслан хочет!“ А Танька тоже захохотала, как припадочная, и с лету прилепила ему кличку».

– Ты сразу в панику впадаешь! Туда-сюда бегаешь и визжишь. Ты лучше не бегай, а стой и на мяч смотри! Видала, как Вовчик? Он не бегает! Он за мячом следит!

«Руслан этот, Хотельник, тоже, между прочим, не просто так на поле бегал, играл он не хуже Тигры, это точно. Но один, без достойных партнеров, он не вытянул команду девчонок-неумех. Много раз он обходил и Таньку, и этого Желтого и прорывался к воротам противника, но Вован – он же стремительный, реакции у него молниеносные – ни одного мяча он не пропустил. А я, как всегда, мух ловила и все мячи проглатывала: вратарь из меня оказался никудышный!»

– Вовчик юркий, он так ловко падает! – возбужденно говорит Танька, растирая и отряхивая пальцами грязное пятно на рукаве своей красной спортивки.

Игра давно кончилась, а от Таньки до сих пор жахает разгоряченным пылом игры. Или так кажется из-за того, что

курточка на ней так ярко полыхает… Лицо Темы – так звали рослого парня с тигром на желтой футболке, сидящего рядом с ней, – тоже полыхает. Не включаясь в разговор, он неподвижно и напряженно глядит куда-то в пространство. «Ух, ты, какой гордый и крутой…» – подумала про него Танька.

– Нет уж! я не хочу падать! Меня мамка потом убьет, если я штаны порву!

– А ты попроще что-нибудь одевай.

– Еще чего! Я не хочу, как бомжа ходить.

– А я коленку расшибла, – показывает Лера. – Руслан – козел! Как шибанет плечом! Я и полетела. Еще запнулась о чью-то ногу…

– Ладно не обижайся! Просто я терпеть не могу, когда у меня на пути встают.

– Что-о?! Я – у тебя на пути стояла?! Это еще разобраться надо, кто у кого на пути стоял!

– Кончайте, ребята, это ж игра! – миролюбиво останавливает их Алинка, боясь, как бы Лерка не встала в позу лидера, добиваясь, чтобы последнее слово непременно оставалось за ней.

– Хы-хы-хы, – жалобно захныкала Танька, демонстрируя дырку на коленке. – Ой, смотрите, ребята, как я спортивку обновила.

– Поздравляю, – протянул ей руку Руслан. – Ты отважно пожертвовала им ради победы. Как-никак всухую положили

нас на лопатки!

А Тема ничего не сказал, опять показавшись Таньке гордым и крутым.

– Ну и визг стоит, когда мяч у ваших ворот, хоть уши затыкай! Вы че, девчонки, так визжите? – удивлялся маленький да удаленький вратарь Вовчик.

В результате этих футбольных встреч и вечерних посиделок случилось нечто особенное: Танька призналась подругам, что она по уши влюблена в Тигру.

Недослушав Танькиных причитаний, Лерка спокойно и необидно перебила ее:

– Хватит вам гадать: любит, не любит, плюнет, поцелует, к черту пошлет, за руку возьмет… Слышали сто раз! Лучше давайте в полночь проведем спиритический сеанс. Алин, ты говорила, что сегодня у твоей мамы ночное дежурство в больнице, так ведь? Я вам и раньше хотела предложить это, но надо было полнолуния дождаться. Тань, ты не знаешь, какая сегодня луна…

– Можно в интернете посмотреть, – пролепетала Танька.

– Да черт с ней с этой луной, и так пойдет, – решила Лерка и деловито распорядилась. – Короче, полдвенадцатого собираемся у Алины.

– Где взяла?! – девочки удивленно разглядывали большой картонный круг с нарисованными на нем магическими зна-

ками и пиктограммами. Прямо посередине была укреплена легкая подвижная стрелочка из плотной фольги, из которой крышечки делают для стаканчиков со сметаной. А по краям этого спиритического круга синим маркером были нарисованы буквы – обычные буквы из русского алфавита, среди которых диаметрально противоположно друг другу были крупно выделены красным два коротких слова: «ДА» и «НЕТ».

Лерка достала из пакета одну за другой две длинные церковные свечки, обмазанные сажей, но важничать не стала, просто сказала:

– У брата выклянчила, чтобы он принес. Он как-то рассказывал, что у них в группе студентки спиритизмом увлекаются… Его подружка мне все объяснила. Сказала, что это опасно, потому что духи могут быть разные: и вредные, и капризные, и даже злые… Так что вызывать будем только добрых – тех, кого мы с детства знаем, и кто нам вреда не причинит. Надо вещь какую-нибудь освятить, принадлежавшую умершему. Еще фотографию можно…

Валерия объявила себя *медиумом*, надела на себя принадлежащий Алининой маме чистый медицинский халат, пуговицами назад и зажгла свечи. Одну из них она поставила на стол возле портрета великого Пушкина, глядящего на них из раскрытой книжки – там же на столе уже курились в стаканчике благовония на палочках – затем следуя ее тихому и властному повелению Алина щелкнула выключателем, погасив электрический свет в комнате… И в атмосфере, пол-

ной магического таинства (было так тихо, что даже Танькино дыханье казалось слишком громким) Лерка-медиум стала расплавленным воском капля за каплей обводить края самой большой, пунктирно очерченной пиктограммы – получилась восьмиугольная звезда. Алинке она велела открыть окно, чтоб духи залетали… Девочки сели вокруг низкого журнального столика, положили свои пальцы на спиритический круг и, глядя на стрелку, которая отчего-то бешено завертелась, три раза хором произнесли: «Дух Александра Сергеевича Пушкина, явись к нам!» Стрелка остановилась.

– Здравствуйте, дух! Вы ли это, Александр Сергеевич? – вежливо спросила Лерка, посмотрев на портрет в книжке.

Стрелка затрепетала и, повернувшись, указала острием на надпись: «ДА».

– Нравимся ли мы вам, Александр Сергеевич?

Дух ответил положительно.

– Согласны ли вы отвечать на наши вопросы?

Дух снова ответил утвердительно.

– Скажите, а когда Артем предложит Тане дружбу?

Стрелка плавно поплыла по кругу – Алинка схватила ручку с блокнотом и начала записывать буквы, возле которых она на пару секунд застревала. Получилось: с-к- ы-р-о.

– Скоро! Скоро! – обрадовалась Лерка и с лукавством продолжила. – А когда он ее поцелует?

– в-а-в-г-у-с… – ответил дух.

– В августе! – одновременно вскрикнули подруги.

– А долго они будут дружить?

Черный кончик стрелки указал на буквы «А», «В», «Г», «У», затем сложилось ясное слово «КОНЕЦ».

– В августе – конец! – ахнула Алинка.

Девочки переглянулись.

– Спроси, почему «конец», – впервые подала голос побледневшая Танька.

Но дух почему-то больше не желал с ними общаться. Медиум в белом сыпал вопрос за вопросом, но стрелка не двигалась, и вдруг книжка с отчетливым звуком упала на бок… Она была закрыта!

Стакан с благовониями немножко сдвинулся и чуть-чуть прокатился по столу… самую чуточку, сантиметров пять, наверное… Желто-синий огонек свечи, стоявшей сбоку книжки затрещал и раздробился на несколько мелких язычков, как будто на него дунули… а потом снова вытянулся вверх… А может это из открытого окна ветерком дыхнуло?…

Стало почему-то страшно.

– До свидания, Александр Сергеевич! Спасибо большое. Вы можете оставить нас, – дрожащим голосом сказала Валерия.

Конечно, на этом можно было завершить сеанс, но Лерке захотелось услышать, что по этому поводу скажут другие духи. И девочки снова вызывали хором других духов…

На этот раз пришлось ждать долго, но пришедшие духи были неразговорчивы, особенно Гоголь (Лерка тогда сказала, что не зря она этого Гоголя в школе недолюбливала, есть за что). Любезнее всех оказался дух Михаила Лермонтова. Когда Лерка спросила, из-за чего раздружатся Таня и Артем, он указал на четыре буквы. Это было слово: «САМА». Девочки недоуменно переглянулись, и настырная Лерка повторила свой вопрос, надеясь получить более толковый ответ. Дух Михаила Юрьевича долго-долго кружил стрелку, останавливая ее возле разных букв, Алинка старательно записывала их, но в итоге получилась полная бессмыслица: буквы не складывались в слова, их невозможно было прочитать…

– Стойте, стойте! – вдруг сказала Лерка, – Смотрите! – в самом конце из буквенных сочетаний сложилось нечто вразумительное. Это было четкое слово: «Проч!»

Но как же это понимать: сам дух смотался от них прочь или… он прогонял их, предупреждая их о какой-то угрозе?… Лерка ведь еще в самом начале сказала: «С духами шутить опасно!» поэтому девочки не стали ждать, когда у них по комнате будут вещи летать или мебель двигаться, они быстренько попрощались с духами и плотно закрыли окошко.

– Тань, ты поняла, что дух Лермонтова тебе сказал? – спросила Алинка у подруги. – Он сказал, что ты сама Артема бросишь….

Но Таня ему не поверила, она вздыхала и в сладостном

предвкушении ждала, когда же предсказание Александра Сергеевича сбудется…

Лера уговорила Алину пойти в самую дорогую парикмахерскую города. Они обе, как теперь говорят «сменили имидж»: состригли свои хвосты, в которые раньше они туго стягивали волосы на макушке или на затылке, к ним удобно было прицеплять какую-нибудь красивую заколку, а еще раньше в детстве – огромный пышный бант. Алинка своего измененного внешнего вида очень стеснялась. «Никогда больше не пойду в парикмахерскую, – решила она. – И на улицу не выйду, пока волосы не отрастут».

Но как преобразилась ее подруга Алине понравилось: очень хороша стала Лера. Ее волнистые белокурые от природы волосы теперь свободно завивались в колечки, обрамляя круглое приветливое лицо.

Дома мама насильно стянула с Алины ее вечные клеши от бедра, из которых она не вылазила с прошлого лета и достала обновку. Накануне они вдвоем обошли все магазины и нашли то, что сидело на ней стопудово безупречно: короткий топик с бахромой и юбочка – стрейч, туго обтянувшая бедра и обнажившая стройные ноги.

– Ну как? – спросила Алина.

– Отпад! – сказала мама.

Алинка страдальчески закусила губу и сдвинула брови.

– Отпад – это плохо…

– Почему?

– Педофилы всякие будут липнуть. К Лерке, как оденет она юбку, дядьки пожилые пристают, комплементы сыпят. Один говорит: «Девушка, ваш разрез на юбке меня смущает! Я б хотел поближе с вами познакомиться». Ну мрак какой-то! Я психанула и нахамила: «А с бабушкой ее вы не хотите познакомиться?». Только Лерке почему-то льстит их внимание, она даже иногда сидит с ними на скамейке и слушает всякие сальности.

Вечером за Алиной зашли девочки, и та, забыв про свое твердое намерение – до осени, пока не отрастут волосы, не выходить, пошла с ними на улицу. Когда проходили через двор, их окликнули большие мальчики, которые в упор их не замечали после дурацких Леркиных звонков, а тут – надо же! – заметили и остановили.

– А я на работу устроился! – поделился новостью Антон.

– Куда?

– На «Машинку» – на завод машиностроительный!

– И кем ты будешь там работать?

– «Электрослесарь по ремонту промышленного оборудования». По этой специальности я диплом защищал, – сказал Антон значительно.

Алина заинтересовалась:

– А как вы в «фазанке» диплом защищаете?

– Ну, там комиссия, мастера, педагоги – все такое. Экзамен, короче. И вот, дадут тебе какой-нибудь ядерный реак-

тор. Нужно разобрать его, собрать прямо при них, и чтоб работало!

– Гонит! – подумала Алинка недоверчиво, а вслух сказала, – А ядерный реактор – это что бомба?

Все дружно загоготали, а громче всех закатилась Лерка.

– Тогда уж пусть не работает! А то вся экзаменационная комиссия… и вся ваша фазанка… к дьяволу взлетит! – выкрикивала она в перерывах между взрывами смеха.

Новые прически девочек без внимания не остались, более того, Антон теперь как-то по-новому, с интересом взглядывал на них во время разговора.

– Естественная блондинка! Это так редко! Другие волосы красят, а тебе не надо. Другие завивают, а у тебя природные локоны, – говорил он ей. – Девчонки, вы очень симпатичные. Поверьте, это я говорю вам как мужчина. Вот ты, Алина, похожа на артистку Уму Турман. Смотрела «Криминальное чтиво»? И прича у тебя такая же. И волосы неестественно черные на белом лице. Парик?

– Парик, парик, – смеясь, соглашалась Алина.

Антон подергал:

– Крепко сидит! На клей посажены?

– Угадал! – радостно хохочет Алинка.

– А хочешь, Алина, я твоим парнем буду?

– Не-е! Я другого люблю.

– А ты, Таня, хочешь, я твоим парнем буду?

Танька, зажмурив глаза от смеха, трясет головой.

– Не претендуй на нее! У нее другой на уме! Ясно тебе? – со спокойным добродушием уточняет Валерия.

– Ясно, – улыбается Антон и как-то по-особенному значительно заглядывает ей в глаза. – Значит, ты одна свободная и невлюбленная? Ты будешь моей девушкой? – Он обнимает ее за плечи. Лерка резко сбрасывает его руку.

– Пойдем, Лера, я провожу тебя домой. И поцелую тебя в щечку. Ты умеешь целоваться? Нет? Я тебя научу! – он делает еще одну попытку приобнять ее и тянется к ней лицом. Лерка уворачивается:

– Отвали! Как-нибудь без ваших услуг!

– А, правда, девчонки, хотите? Надо же вам научиться! Некоторые девочки даже друг на друге учатся.

– Фу, как лезбиянки! – фыркает Танька.

– Хочешь, Таня, тебя научу?

– Очень надо!

– А ты, Алин?

– Когда придет время, сама научусь! – строго сказала Алина.

– А я умею! – гордо соврала Таня, сохраняя имидж самой опытной из всей компашки.

В «вышибалы» поиграть им так и не удалось. Новые друзья в канализационном люке нашли дохлую крысу и пугали ею девочек, те визжали на всю околесицу и разбегались в разные стороны. Изящный черноглазый Руслан повесил крысу

на палочку и подошел к Алине:

– Хочешь ее погладить? Она ласковая и совсем не кусается!

Алинка состроила гримасу отвращения, а затем с лукавой улыбкой отпарировала:

– Сам целуйся с ней, любитель дохлых крыс!

– На лови ее, она хочет полежать на твоем плече! – загоготал Руслан, и труп грызуна полетел в Алину. Та увернулась, но почувствовала, как холодная шкурка срикошетила по ее руке.

– Ах, так! Ну, теперь держись! Счас она цапнет тебя! – Алинка вытащила из кармана носовой платок и, бормоча, что ради такого случая она готова им пожертвовать, через ткань осторожно уцепила пальцами длиннющий хвост-голыш и медленно приподняла мертвую коричневую тушку.

Руслан, не ожидавший, что изнеженная девочка решится прикоснуться к ней, успел отскочить на два шага и развернулся было драпать, но слишком поздно: крыса, описав дугу в воздухе, врезалась ему прямо в мягкое место.

– Я же говорила тебе, что она тебя цапнет! – засмеялась Алина, и ее смех слился с дружным хохотом ребятни.

– Алинка, а ты меткий стрелок! Точно попала в цель! – похвалил ее один из зрителей.

Голос принадлежал Антону Гончарову. Надо же! Он вновь удостоил ее своим вниманием! Еще совсем недавно они для него были салажня и шмакодявки, но теперь что-то измени-

лось…

Рядом с Гончаровым на лавочке сидел еще один большой парень лет шестнадцати. Он пристально и неподвижно уставился в Алину и не смеялся, когда все смеялись. Это был ОН – Юрка Селезнев – тот, о котором она давно вздыхала.

– Смотри-ка, он счас тебя взглядом прожжет! – прошептала подружке в ухо Таня.

– Ага! – хихикнула Алинка. – Я уже обугливаться начала! Счас точно задымлю!

Девчонки давно уже заприметили его: он приходил к Гончарову и поджидал его во дворе. При мимолетной встрече с ним, девчонок обычно смех разбирал: было невозможно ни прыснуть в кулак, когда он, миновав смешливую троицу, через несколько шагов как-то резко вдруг оборачивался и замирал с ошарашенным видом. А уж как пялился… Танька не упускала случая ехидненько подколоть: «Счас дырку на тебе протрет…».

А еще, проходя мимо девчоночьей стайки, Селезнев так густо заливался краской, так кирпично краснел, что подружки даже спорили между собой: свой цвет лица у него такой или нет. Юрку девчонки «пасли» для Алины, и страстно разжигались при этом, что даже Таня, равнодушная ко всему, что не касается ее лично, вдруг пылко заразилась этим процессом, и Алина от этого начала ревниво напрягаться.

В своей компании секретов друг от друга у девчонок не было. Все знаки внимания со стороны любимого мальчика

обсуждались, и вследствие этого обстоятельства объект обожания неминуемо становился еще и объектом пристального наблюдения. Взглядам, жестам «наблюдаемого» придавалась особая значимость, их ловили, искали в них скрытый смысл, вели им учет, разве что их не регистрировали, подобно Золушкиным сестрицам из фильма Михаила Ромма. «Объект», попавший в зону этого особого напряжения, должно быть, чувствовал себя не особенно уютно. Потому однажды и пришлось Антону отбиваться от их напористого внимания грубостью и агрессивностью.

Старшеклассник Юра Селезнев поначалу тоже встал в пренебрежительную позу и поглядывал на них с высокомерием. Но внезапно в нем что-то заклинило, и он как-то странно стал вести себя…

Девчонки не зря подолгу кучковались возле теннисного стола на игровой площадке. Это была удобная наблюдательная позиция. Если чуть-чуть задрать голову и посмотреть наверх, то можно увидеть, как за тюлевой занавеской застекленного балкона Селезневых маячит чья-то фигура. Догадаться было нетрудно, кто это. И понимать тут нечего, что он там делал: он следил за ними!

– Проверить это запросто, – предложила Танька. – Давайте сделаем вид, что мы уходим…

Перед тем, как завернуть за угол, вся четверка внезапно обернулась: отбросив занавеску, Юрка аж наполовину вывалился с балкона, пытаясь удержать их в поле зрения.

И хотя девчонки в теннис не играли, они теперь частенько собирались возле теннисного стола. Громко разговаривая и смеясь, поглядывали на угловой балкон, выжидая, когда белая тюль колыхнется и сквозь нее проступят чьи-то смутные очертания. Терпенье лопалось: ну какого он черта там стоит? В контакт вступить ему слабо?

– Зажатый какой- то… – прошептала Лерка и вслух весело выкрикнула:

– Юрка! Сделай побольше дырку в шторке, а то лица не видно!

– Глаз-то торчит… У тебя их два – смотри в оба! – задорно и звонко подхватила Танька.

Селезнев в испуге присел. Девчонки засмеялись, а Лерка своим теплым грудным голосом чуть насмешливо, но дружелюбно сказала:

– А шевелюру-то видать… Пригладь вихры-то… пятерней!

Вечером, когда Лера молча слушала на лавочке спор Алины с Таней о том, кто лучше: Бритни Спирс или Алсу, из подъезда вышли Юрка с Антоном. Они обосновались невдалеке от девочек, придавив тяжестью своих тел железную оградку газона.

– Давай базарь о чем-нибудь, – пробубнил Юрка Антону, а сам в процессе этого «базара» выворачивал голову в сторону девчат аж на сто восемьдесят градусов.

«Я знаю, снова не получится из этой встречи ничего»… –

эти строчки из Беллы Ахмадуллиной Алинка вспомнила позже и улыбнулась: ничего не вышло, кроме перестрелки взглядами… а ничего больше и не надо – разве не в этом – весь кайф? Разве не для этого она часами поджидает и подлавливает свой «объект», чтобы душа ее порхала и пела, как маленький эльф с крылышками из книжки Толкиена «Хоббит»?

Взгляды встречаются, и что-то случается, словно электрическое замыкание: треск, щелчок, искры взметнулись… Паника, жар в голове, в груди какое-то волнение… Жалок тот, кто не испытал этого ни разу!

Что там происходит в нашем сложном биологическом организме на молекулярном уровне? Какое взаимодействие полей при столкновении двух физических тел вызывает эту реакцию, когда в кровь выбрасываются естественный наркотик дофамин и гормон адреналин, от которого бьется сердце частыми толчками и кровь приливает к щекам?.. Большинству людей совсем не обязательно знать, что с ними происходит в таких случаях. Это непонятно, но это так волнует, и это так заманчиво… И подчиняясь матери-природе, они слепо идут на зов инстинкта…

В футбол с мальчишками из соседнего двора девчонки больше не играли. Артем, он же Тигра и самый ловкий нападающий, вышел из игры.

Он потерял форму. Теперь по вечерам Тема приходил

на спортплощадку пьяным. Даже, если он и пытался играть, тело плохо подчинялось ему. И он, упершись руками в полусогнутые колени – в позе вратаря – для устойчивости – предпочитал наблюдать. Девчонки разочарованно воротили носы. Танька из гордости не подавала виду и терпеливо чего-то выжидала. Несколько раз Тема приносил пиво в бутылках, порывался угощать им девчонок, предлагал им сигареты, но безуспешно: девочки отказывались от такого рода внимания.

– Откуда он берет деньги?

– По-моему, они все днем подрабатывают.

– А может, он пьет для смелости? – предположила Алина. – Придет с кем-нибудь из пацанов, сядет около Танькиного подъезда, ждет ее. А мы с Танькой выйдем, сядем с ним рядом – молчит, как воды в рот набрал!

– Я же вижу: он хочет мне дружбу предложить, но боится – вдруг я ему откажу! – с горячей убежденностью сказалаТанька.

– Ты его любишь? – с решительным напором спросила Лерка. – Тогда сама позвони ему и скажи. Не хочешь? Тогда давай я это сделаю!

Танька молча кивнула головой, согласная на все, лишь бы сдвинуть ситуацию с мертвой точки, пусть даже ценой ущемленной гордости.

Вечером Артем снова пришел бухой, плюхнулся на скамейку рядом с Таней и предложил девчонкам пива. Девчон-

ки встали и ушли, оставив их вдвоем. Только они опустились на скамейку у соседнего подъезда, как Тема приволокся вслед за ними, примостился с краю и, уперев свои локти в колени, спрятал лицо в ладонях.

– Вот так здрасти! Приехали! Чего ж он Таньку-то бросил? – с удивлением переглянулись подружки.

Через просветы в кустах сирени было видно, как с Таней разговаривали двое: мелкий, вертлявый шалопут Вован и красивый Хотельник. О чем Татьяне говорили мальчишки тоже было слышно.

– С тобой Артем хочет ходить. Ты согласна или нет? – спросил Хотельник.

Таня печально подняла на него глаза:

– А почему он сам мне об этом не скажет?

Пацаны окликнули Тигру и, приблизившись к нему, что-то зашептали ему в ухо.

– Ты будешь со мной дружить? – робко подойдя к Тане, спросил Тема.

– Артем, ты мне очень нравишься, но дай мне подумать до завтра, – со строгим заалевшим лицом сказала Таня.

Девчонки бурно переживали это событие. Кто-то предположил, что Танька, как подруга, с этого дня для них потеряна. Теперь они, как большие парень с девушкой, будут уединяться, гулять будут только вдвоем. Еще они тайно шептались вот о чем: а вдруг в результате этих уединенных встреч Танька забеременеет?..

Но, к всеобщему облегчению, ничего такого не случилось, и, к всеобщему разочарованию, никаких особенных романтических отношений между ними не возникло. Играли, как и прежде в футбол на траве, а по вечерам на лавочке травили анекдоты. Только Тема теперь никого, кроме Тани, не видел, не замечал. Как будто, кроме них двоих, вообще никого рядом не было. Он мог подолгу смотреть на нее, как завороженный, и молчать, как блаженный, светясь глазами. А еще он звонил ей по телефону несколько раз в день и говорил одно и тоже:

– Я теперь за тобой буду следить: куда ты ходишь, с кем разговариваешь, с кем общаешься. Обещай мне, что, кроме меня, ты ни с кем из пацанов не будешь разговаривать.

– Как это? – смеялась Таня. – Может мне еще мешок на голову надеть, ну такой – с прорезями для глаз? Забыла, как называется!

– Ку-клукс-клан! – подсказала Алина, как самая начитанная из трех. – Белые остроконечные такие вот штуки – показала она руками – с прорезями для глаз одевали террористы в Америке, когда негров убивали. Ну да, так они называются… Я в журнале одном видела – подтвердила она в ответ на недоуменный взгляд подруг.

– Чего-о?! – протянула Танька и закатилась от хохота. – Каких негров? Зачем их убивать? Черный мешок… с прорезями для глаз… чтоб лица не видно было! «Паранджа» называется! Его женщины в Афганистане носят, чтобы мужчи-

ны не могли их увидеть. Там свое лицо только мужу можно показывать!

«Не дождавшись Лерку, которая должна была вынести инфу о «звездных» кумирах, постеры и аудиокассеты на обмен, мы решили сами подняться к ней домой и поторопить ее. На площадке второго этажа пришлось затормозить: Нелька сияла нам навстречу своей ангельской улыбкой, от лучезарности которой таяли сердца всех мальчишек нашего двора. Ей было четырнадцать, как и нам, и была она вся такая чистенькая, свеженькая, тоненькая, как тростиночка, а прелестью личика не уступала юным головкам на портретах Греза – я их видела в альбоме «Лувр» – он у нас в книжном шкафу стоит.

– Привет! А я Лося жду! – сказала она, выпустив струю сигаретного дыма. – Целый день с сестренкой нянчилась, ухайдакалась. Она орет, как недорезанная. Я, бля, пытаюсь сунуть ей соску, она выплевывает, будто… ей в рот затолкали. Ни на минуту, бля, отойти не дает. Сучка такая!

Мы ее слушали подобострастно, как приближенные слушают королеву: так было установлено, и Нелька снисходила до нас. У нас во дворе была своя иерархия: Нелька считалась крутой, водилась только с мальчишкам, и «крыша» у нее была основательная. Общение строилось однобоко: Нелька говорила, мы слушали. Разговаривать с ней на равных не получалось. Я, например, просто не знала, о чем с ней

разговаривать. Ну, как поддерживать разговор, если Нелька рассказывает, как она учительницу доводит, как та выскакивает из класса вся в слезах, а у меня, извините, такие подвиги восторга не вызывают? Я как-то попыталась сменить тему: про музыку, вроде бы, всем интересно. Даже пропела, приводя пример, что у «Руки вверх» тексты все дурацкие, а вот у Савичевой тексты – классные… Но мои слова провисли в воздухе, тему никто не поддержал, а Нелька опять села на своего конька и развлекла нас еще одной историей о том, как она целый год не ходила на физику, а потом сдала экзамен на «пятерку», а ей за год все равно вывели только «трояк».

Свободно и простодушно держалась с ней одна Лера, потому что она со всеми была такая независимая. А Танька, так та и вовсе предпочитала помалкивать в присутствии дворовой звезды. Потому что нарвалась однажды. Потому что знала, что Нелька – это акула с ангельским личиком: скажешь, что не так: вцепится – не отдерешь. Один раз свяжешься – больше не захочешь. В прошлом году Нелька нам ясно дала понять, кто во дворе главный.

Мы тогда в классики играли. А Нелька просто так мимо проходила. Танька поддала носком туфли камушек, и он, подскочив пару раз, аккуратно лег возле Нелькиной ноги.

– А если по ноге? – надменно спросила Нелька.

– Ну не по ноге же! Чего встала? Проходи! Мешаешь же! – не слишком почтительно отозвалась, а потом

и вовсе нетерпеливо прикрикнула Танька, хотя видела: Лось невдалеке, и это может аукнуться. Танька была заносчивой, но на Нельку лучше не нарываться…

Нелька «воспитывала» ее долго и нудно, и это было унизительно:

– А ты почему прыгаешь посреди дороги? Людям мешаешь ходить! Ты понимаешь, что людям мешаешь? Ты будешь еще на дороге стоять, когда люди идут? Нет, ты мне скажи, будешь еще мешаться?

– Не буду, – уже в который раз говорила заробевшая Танька, но Нелька завелась… Ну, это мрак какой то… Она долго не унималась, и, как гвоздь, вбивала ей в голову правила примерного поведения о том, что дорогу надо уступать, когда прохожие идут. Потом Нелька увидела, что к толпе стоявших у подъезда мальчишек, подошел еще один, и одарила его своей невыносимо лучезарной улыбкой. А девчонкам Нелька приказала:

– Стоять здесь! Не двигаться! Я с вами еще не разобралась! Я скоро вернусь!

Она позвала Лося «посторожить». И мы не двинулись, стояли, как идиотки, и молчали, как улитки. А что лучше – кулаками махать и отстаивать свою независимость? Однажды я сделала так, и это была затяжная война. Это ж мрак какой то… Так что лучше гусей не дразнить. Слишком много шуму и вони будет потом. Как говорит моя мама: худой мир лучше доброй ссоры.

А Лось медленно ходил вокруг нас кругами…

Наболтавшись, Нелька вновь затянула свою волынку о том, что нельзя стоять посреди улицы, когда здесь прохожие ходят…

Вышла Лерка, держа в руках свернутые в трубочку плакатики с изображением поп-звезд эстрады и кино.

– О-о, журнал «Yes!»! – обрадовалась Нелька. – Дай посмотреть! Ну это же ста-а-рый, давнишний! Между прочим, свежие номера уже есть в продаже. Я вчера видела в киоске – такой синий глянцевый.

– И я видела. Хотела купить – мамка денег не дала. Временами она такая… м-м… слово забыла… на «сэ» начинается.

– Сука? – живо подсказала Нелька.

– Не-е!

– Стерва?

– Скотина?

Лерка молча покачала головой.

– А-а! Скупердяйка!

– Строгая, во! – с невозмутимым спокойствием, небрежно, но в то же время весомо обронила Лерка.

Ей богу! Временами я просто завидую ей! Эх, мне бы такую внутреннюю силу и такую непробиваемость! Иногда я просто себя ненавижу за то, что так легко теряюсь и выхожу из себя. Лерку, кстати, тоже ненавижу за эту самую

непробиваемость. Не, правда, иногда так бывает, хоть в лепешку ты расшибись – ей все до фонаря!

– Ну-ка, покажи свои постеры. – переключилась Нелька. – Кристина Агилера? Фу, какая страшная, когда глаза вот так синим мажет! Во! Шакира клевая! А там у тебя кто? Орландо Блум? Терпеть не могу! Такой цуцик, такой слащавенький весь из себя! Разве мужик такой должен быть? Мне нравятся парни со зверским взглядом! Вот с таким вот – з-з-вер-р-с-ским!

– Как у меня? – сзади подошел к ней Толик Лосев, обнял, развернул ее к себе за плечи, и они, не стесняясь и даже немного кичась этим, стали целоваться взасос прямо при нас.

– Ой, я тут, кажется, обкурила всех! – переводя дыхание, сказала Нелька.

– Да брось ты, они сами небось курят, – отмахнулся Лось».

Танька заскучала. Артем оказался совсем не таким, каким она хотела видеть своего парня. Он был круглый сирота, родители погибли в автокатастофе. Жил у тети с дядей. То ли от избытка чувств, то ли от волнения, что он любит и любим, он постоянно пребывал в каком то блаженном состоянии. Пиво он хлестал, как газировку, и от этого ««безобидного» напитка у него часто язык заплетался. Он был болтлив и приколист, знал кучу анекдотов и умел всех рассмешить.

Однажды он рассказал, как они с ребятами сварганили «манагу». Сашку кто-то научил, где можно добыть «беспонтовку» (это трава такая, сама по себе она уже бесполезная, но если из нее сварить зелье, оно поначалу как будто бы и не действует, а потом… потом часов пять на глюках держит). Они сели на автобус и поехали за город. Там на заброшенном садовом участке за ветхим домиком с разбитыми окнами (говорят, что раньше там был притон бомжей) и росла эта самая трава. Зеленые кустистые заросли были, конечно, изрядно пощипаны, но они все же нарвали пакет листьев со стеблями и долго – долго кипятили ее в молоке. Получилось вкусно, но лично сам Тема никакого кайфа не словил, может после ребят ему маловато досталось…

Зато Сашку чисто из мозгов вышибло… Его прогнуло назад, и он часа три – прикинь – не распрямляясь, рожей кверху круги на цыпочках выписывал, и руками так пла-а-вненько водил, как балерина в «Лебедином озере»… Потом Саня сказал, что он это… в океане плавал. … А я его уже в юбочке представил… в такой пышной, прозрачной – он же вроде, как бы танцевал… Ну я взял да и брякнул по приколу: «Ты что медузой был?» – «Сам ты медуза! В рыло захотел?! Я осьминогом был, понял!»

А Вовчик – вот так руки в стороны – сам завывает, как будто рев пропеллеров, и пристает ко всем, чтобы садились на него. Умора! Грит: «Я – самолет. Ту-154. Объявляет-

ся посадка. Пассажиров прошу пристегнуться перед взлетом». Ясно дело, на него никто не сел – раздавишь чего доброго, и так метр с кепкой… Кроме того, у него ноги подгибались, он как-то резко приседал, как-будто проваливался, при этом ухал и говорил: «Черт, опять воздушная яма!».

Когда Тема изображал все это в лицах, девчонки так хохотали, аж постанывали, раскачиваясь из стороны в сторону…

Сашка тоже подходил иногда с друганами. Девчонки его не любили и побаивались. Волосы торчком, обесцвеченные перекисью, круглые глаза, острый нос с горбинкой… Особой фантазии не требовалось, чтобы повесить на него кучу кликух: «Сивый», «Дятел», «Сыч». Вечно хмурый и злой, вечно озабоченный: как бы «„насшибать“» полтинник на выпивку. Тигра тогда рылся в карманах, и если у него что-то наскребалось, сваливал в общий котел. Сивый подходил часто, и Тигра опять выворачивал карманы. Когда веселый, шебутной Вован «стрелял» монету, Тигра также безотказно выскребал остатки мелочи. – Ну какой же это Тигра?! – Котенок! – Мягкий и пушистый. Теперь Танька поняла о нем главное, глаза ее прояснились: никакой он не крутой, он добрый, отзывчивый, и пацаны за него горой.

Чувствительный мальчик, он обнимал «свою» девочку за талию, и иногда, разогретый пивом, в порыве нежности прижимался к ее груди головой, а однажды, провожая, набрался смелости и чмокнул ее в щечку. У Таньки тоже

все это было впервые, но первый хмель быстро улетучился, и Танька заскучала.

Однажды, запарившись от погони за мячом на футбольном поле, запыхавшаяся Танька, дерганула молнию на своем просторном спортивном жилете, и, скинув его, начала обмахиваться им, обвевая себя ветерком. И вдруг ее что-то обожгло: Руслан, надменный черноглазый мальчик, не мог оторвать взгляда от ее туго обтянутых футболкой литых округлостей. И позже, вспоминая этот миг, Танька поняла, что и она теперь знает, что такое «зверский взгляд», о котором говорила Нелька. «А он такой гордый и крутой…» – подумала про него Танька. А подружки заметили, что Танька теперь «спецом» не смыкает молнии на спортивке и, картинно прогнувшись, исподтишка следит за Русланом.

А Артему была предложена мирная отставка:

– Давай мы больше не будем дружить с тобой.

Тема сначала ничего не понял, замер с высоко поднятыми бровями, потом быстро заморгал и, побледнев, пролепетал:

– Тогда я больше не приду в ваш двор…

Тигра ушел тихо, и однажды, случайно встретившись с Таней, вздрогнул, сжался весь, и, подняв плечи, быстро зашагал прочь. А пацаны из его компании как будто с цепи сорвались. Однажды они ее зажали, больно и грубо распускали руки и обещали мстить за Тиму. Танька пришла напуганная и сообщила девчонкам, что ей придется мириться с Тигрой, потому что она боится, что пацаны изобьют ее.

Прошло недели полторы, когда Танька и ее подружки увидели толпу знакомых ребят, пересекающих их спортивную площадку. Пацаны их тоже заметили, а Руслан с Вовчиком даже остановились побазарить. Враждебности в их лицах и словах Танька не почувствовала и порадовалась тому, что все забыто и все плохое позади.

Леркин брат сделал на компьютере распечатку песен Бритни Спирс, и девчонки вприпрыжку поскакали к Таньке, потому что в этот раз была ее очередь устраивать МКД – Музыкальный Клуб Девчонок – так они назвали свою «студию звукозаписи». Записываться на магнитофон приходилось в дуэте с Бритнюхой, голос которой звучал с другого мафона, – это было удобно во всех отношениях: накладываешь свое пение уже на готовую музыкальную оранжировку, и получается как по-настоящему. А если петь в микрофон чуть погромче – Бритнюху даже не слышно, получается, как соло. Качество, конечно, не ахти какое, но поскольку других вариантов не было, никто не унывал: устраивало и такое – главное – было весело. Если родители были дома – запирались в комнате и вели себя по возможности скромно, а если никого не было, то «жгли» отвязнее – целое «шоу» устраивали! Пробовали себя во всех ипостасях: как визажисты, и как стилисты, и как модели… Вываливали из своих пакетов на диван прихваченную из дома мамину бижутерию, всевозможные шарфы и платки – пестрые и однотонные, с ба-

хромой и кисточками, мягкие крепдешиновые, легкие шифоновые, с люриксом и без… Поскольку современная мода предполагала минимум одежды на теле, эти самые шарфики и косынки были идеальным строительным материалом для самого убойного прикида: где- то слегка, а где-то откровенно, где-то прикрыто, а где-то забыто… Дефиле по подиуму, походочка от бедра, поворот, кокетливый взгляд из-за плеча…

– Все! Снято! Лерка, теперь ты, готовься!

Напевшись, наигравшись от души сначала в звезд, потом в моделей, девчонки отправились на свой главный наблюдательный пост к теннисному столу на спортивной площадке. Минут двадцать напрасно проторчали – Селезнев на балкон так и не вышел. Зато на пятом этаже появился Лосев Толян. Навалившись корпусом на балконные перила, он покурил, затем, сделав несколько коротких затяжек, небрежно бросил бычок через плечо и исчез в дверном проеме. Незатушенный окурок долетел до четвертого этажа и застрял в складках выстиранного детского платьица. Рядом на бельевой веревке, растянутой в четыре ряда на железной консоли, сушились свежевыстиранные детские колготки, маечки, трусики.

– Счас прожжет дыру и упадет вниз… – сказала Лера.

– Если платье сырое, потухнет и там же останется, – предположила Танька. – У нас однажды такое уже было: в простынях застрял окурок.

Но платье задымилось, из дыма высунулся острый сине-

ватый язык пламени и лизнул ткань.

– Это же мое платье! – закричала Алинка. – Я его узнала! Синенькое, в белый горошек, с оборочками! Я его, когда маленькая была, одевала! Я его в садик носила, помнишь, Тань? Мама его соседке отдала, у нее дочки маленькие! Горит! Оно горит! Побежали!

В четыре кулака подружки колошматили в квартиру, где жила молодая соседка с двумя девчушками – погодками, трех и четырех лет. Но за дверью было тихо. – Бесполезно. Она на работе, – с досадой сказала Таня.

– Ну все, сгорело мое детство в синем платье с рюшечками.

– Да не ной ты! – деловито оборвала Алину Лерка. – Его уже не спасти, твое платье. Пошли наверх. Надо зайти к Лосю и вылить сверху ведро воды, пока пламя на остальное белье не перекинулось.

– Открывай, Лось! Мы же знаем, ты дома! – кричали девочки, но Лось им не открыл.

– Вымерли, что ли! – в сердцах сказала Таня.

– Совесть у него вымерла! Скотина! – выругалась Лера.

Когда они вышли на улицу, в воздухе пахло гарью. Почерневшие тряпочки, обглоданные огнем, валялись на траве, кое – где местами обгоревшей. За балконом четвертого этажа никакого белья уже не висело, веревок тоже не было: они сгорели.

Молодая Соседка, вечером, придя с работы, плакала, говорила, что дети ее совсем раздетые остались. Она ходила к Лосю разбираться, но Толян своей вины не признал, отговорился тем, что ничего не видел, ничего не знает, днем был дома, но спал, как убитый. Его бабушка, как напуганный попугай, твердила то же самое: «ничего не знаем, мы на даче морковку и огурчики поливали».

Тетя Шура, которая разговаривала с молодой соседкой у подъезда, посоветовала ей написать заявление в милицию.

– Составят протокол, и никуда не денутся Лосевы: оплатят ущерб, как миленькие, тем более, как ты говоришь, они уже второй раз белье твое пожгли.

– А кто будет платить-то? – криво усмехнулась Молодая Соседка. Парню только шестнадцать, он в ПТУ учится, нигде не работает. Мать его в другом городе живет и запойно пьет. С бабкиной пенсии ущерб высчитывать? У нее внук-балбес на шее сидит.

Вечером к беседке, где девчонки переписывали друг у друга песенки, подошла Нелька.

– Бабка Толика опять на фазенду умотала. Вот иду ему кушать готовить, – важно сообщила она и присела чуток потрепаться и, конечно же, лишний раз поддразнить своей невероятной опытностью этих зеленых и нетронутых…

– Сегодня всю ночь спать не могла. Толик так храпел, – рассказывала Нелька. – Я его, бля, толкаю, а он только мычит и опять за свое. Ну, думаю, бля, я те покажу, где раки

зимуют. Взяла бутылку, налила туда холодной воды из-под крана и засунула ему в трусы. Он как вскочит! Бутылка – бац об пол вместе с трусами! До утра, бля, ржачка была! Ну-ка, покажи свой песенник. … «Oh, baby baby» … – подергиваясь в такт телом, пропела она. – Нет, лучше вот эта: «Oohh, cra-a-zy».

– Ты знаешь, сегодня Лось поджег соседкино белье? – перебила ее Лерка.

– Это не он. – Нелькино лицо стало жестким.

– Он! Мы видели! – запальчиво вступила Алина, уже накаляясь и готовая вступить в схватку.

– Кумовить пойдете? – угрожающе повернулась к ней Нелька. – Ты знаешь, что тебе за это будет?

– Остынь. Это уже бесполезно. Все уже знают, что он не будет платить, – сказала Лера.

И опять Алина удивилась, как ловко это у нее получается – снять напряжение.

– Тогда какого х…?

– Просто соседку жалко.

– А мне не жалко. Заколебала своими придирками: то ей шелуху от семечек на балкон наплевали, то окурки к ней летят, то презики к ней сверху сыпятся… – Нелька засмеялась. – А мы ей для прикола на дверную ручку каждое утро использованный презерватив привязываем… Вы че, девчонки? Ха-ха-ха! Зеленые, необстреленные… Да мы ж давно живем! Мы ж с одиннадцати лет, то есть это я с одиннадца-

ти лет с ним ходить начала. Год просто так ходили… Мы поженимся! Через два года. Толику исполнится восемнадцать, а мне шестнадцать. Сейчас по закону можно и с четырнадцати замуж выходить, но я еще маленькая, чтобы жить совсем самостоятельно…

– Тупо так рано замуж выходить. Надо же учиться, в институт поступить, – живо подхватила Алина.

– Еще чего? – насмешливо перебила Нелька. – Я перед этими сраными училками пресмыкаться не собираюсь! Математичка у нас стерва поганая, ей точно в психушке надо лечиться! А русичка – сука е..нутая! Мы весной как-то на переменке мелом кидались, весело было. Так она на целый урок нас наказала за то, что мел в классе растоптали. А классная – полный отстой! Как нацепит бусы розовые из прошлого века до самой п… зды, еще и узлом завяжет. Думает красиво! А нам краситься не разрешает! Точно, бля, закажу ее килеру!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.